

Гончарова Н.Н.^{1,2)}, Кабаев Д.А.³⁾

¹⁾ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, биологический факультет, кафедра антропологии, Ленинские горы, д. 1, стр. 12, Москва, 119234, Россия*

²⁾ *Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова, ул. Москворечье, д. 1, Москва, 115522, Россия*

³⁾ *ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ», ул. Мира, дом 9, оф. 101, Владимир, 600014, Россия*

АНАЛИЗ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ САНИТАРНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ГОРОДА ВЛАДИМИРА XIII ВЕКА

Введение. Изучение процессов формирования населения города Владимира, столицы Владимиро-Суздальского княжества, является важной задачей для археологов, историков, лингвистов и антропологов. Однако материалы по антропологии древнерусского населения этого города начали появляться сравнительно недавно. Целью настоящей работы является публикация и анализ данных по домонгольскому населению древнего Владимира.

Материалы и методы. Основой для работы послужили краниологические данные, полученные при изучении выборки из санитарного захоронения XIII века в историческом центре Владимира. Было изучено 43 взрослых индивида обоего пола. Анализируются демографические, краниологические показатели, а также травмы черепа для понимания обстоятельств появления массового захоронения.

Результаты. Изученный комплекс представляет собой единовременное захоронение большого количества индивидов в хозяйственном подполе наземной постройки. Археологический контекст санитарного захоронения позволяет уверенно датировать его первой половиной XIII века. Установлено, что 58% индивидов имеют повреждения костей черепа, которые стали причиной смерти или были нанесены незадолго до смерти. Сравнительный статистический анализ с привлечением краниологических данных по 24 синхронным выборкам выявили большое сходство изученной группы с балтами и поднепровскими славянами и одновременно сильное отличие от курганного населения соседних территорий.

Выводы. Расположение захоронения и характер травм говорит о гибели жителей в результате нападения отряда вооруженных всадников. Травматические повреждения по своему характеру совпадают с теми, которые были обнаружены при исследовании других массовых захоронений в древнерусских городах. Сравнительные анализы краниологических особенностей позволяют связывать происхождение этой группы населения с территорией Верхнего Поднепровья, через которое в течение первого тысячелетия н.э. прошли две волны миграции славянских переселенцев. Не обнаружено влияния на изученную группу переселенцев с территории Новгородских земель. Влияние местного финского компонента также отсутствует.

Ключевые слова: палеоантропология; краниология; городское население; массовое захоронение; древнерусский город

Введение

Изучение населения любого древнерусского города опирается, прежде всего, на исторические и археологические свидетельства. С этой точки зрения изученность города Владимира, который со второй половины XII в. выполнял роль общерусского политического центра выглядит недостаточной. Исторические свидетельства и летописи представлены полно, но археологический контекст до начала XXI века был довольно скудным. Ситуация стала существенно меняться лишь в последние десятилетия.

Особый интерес для исследователей представляет историческое ядро Владимира, так называемый Ветшаный (или Ветчаный) город. Он сформировался вдоль дороги из Мономахова города в Боголюбове в XII в. От Золотых до Серебряных Ворот шла главная улица, объединявшая в одно целое исторически сложив-

шиеся части Владимира: Новый город (от Золотых Ворот до Соборной площади), Кремль, или Мономахов город и собственно Ветшаный город, тянувшийся на восток от Соборной площади до излучины реки Лыбедь, ныне скрытой в коллекторе. В современной топографии Ветшаный город соответствует кварталам, расположенным по обе стороны от улиц Большая Московская и Большая Нижегородская.

В 2011 году сотрудниками ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ» проводились спасательные археологические раскопки на ул. Златовратского, д.1. Это центральный район Ветшаного города – восточной части древнего Владимира, к северо-востоку от мужского Рождественского монастыря (рис.1). Раскоп располагался в северном углу 22 квартала исторического ядра Владимира. Археологические исследования на этой территории, начавшиеся в 1993 году с небольших разведоч-

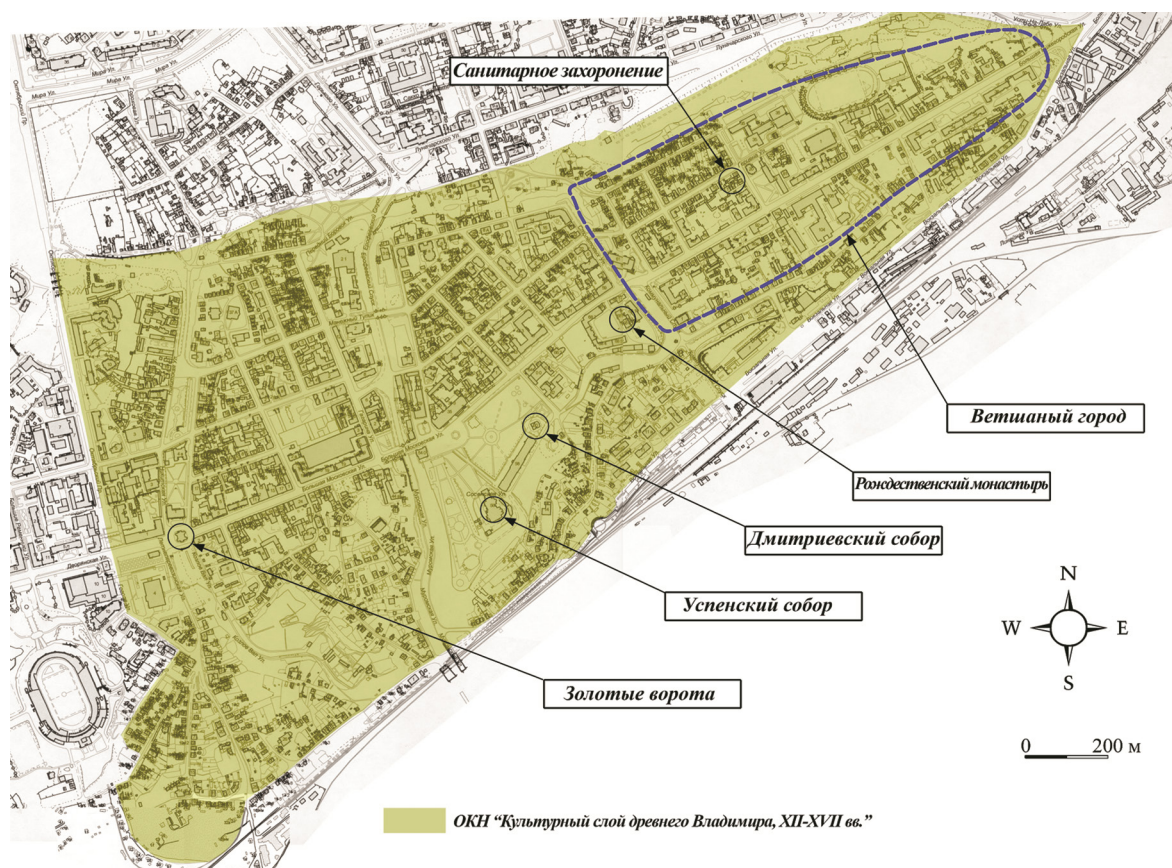

Рисунок 1. План исторической части г. Владимира
Figure 1. Plan of historical part of the Vladimir-city

ных работ, вылились в многолетние раскопки. Первый год исследований ознаменовался находкой в подполье сгоревшего дома уникального клада предметов христианского культа [Жарнов, 2009]. Затем в течение шести лет велись раскопки и исследовались многочисленные и разнообразные материковые ямы древнерусского времени, представляющие собой следы сооружений двух усадеб, просуществовавших около полувека [Жарнов, 2003]. Исследования были продолжены в 2007 и 2011 гг. Был открыт уличный проезд шириной около семи метров между усадебными комплексами, незастроенный в древнерусский период, а также участки еще двух усадебных комплексов. Находки с территории этих усадеб включали в себя инвентарь второй половины XII – середины XIII вв. [Грибов, 2008; Кабаев, 2008, 2012].

На территории 22 квартала во время раскопок предшествовавших лет уже были сделаны отдельные антропологические находки. В 1993 году на дне основного подполья жилого сооружения обнаружен костяк, находившийся в сидячем положении (индивид женского пола, возраст смерти около 40 лет). По мнению Ю.Э. Жарнова, который исследовал вещевой материал этого памятника, финал существования усадьбы уверенно датируется первой третью XIII века, вероятнее всего 1238 годом [Жарнов, 2003, с.50].

В 2007 году в заполнении одной из ям были найдены человеческие кости, принадлежащие, вероятно, двум индивидам. Кости лежали без анатомического порядка. Находки, сопровождавшие это захоронение, были представлены бытовыми предметами, деталями женских украшений (в их числе обгоревшие фрагменты пятилучевого серебряного колта, орнаментированного зернью и сканью), а также два наконечника стрел. Археологические свидетельства позволяют утверждать, что это была отдельно стоящая хозяйственная постройка первой трети XIII века [Кабаев, 2008].

Раскоп на улице Златовратского имел площадь 168 кв.м и предварял строительство частного дома. В раскопе исследованы культурные отложения XII–XX вв. мощностью 60–100 см – это переотложенный не стратифицируемый

темно-серый и серо-коричневый суглинок, нарушенный погребями, выгребными ямами и фундаментами дома XX века. Горизонт древнерусского времени определялся материковыми выбросами из котлованов построек в центральной и западной части раскопа.

Комплекс находок из слоя XII–XIII вв. включал довольно богатый набор бытовых предметов и украшений: стеклянные браслеты, шиферные пряслица, нательные крестики, ножи, ключи, различные украшения из цветных металлов. Керамические и вещевые комплексы из построек усадьбы датируются не позднее середины XIII века.

В восточной части раскопа прослежены следы сооружений одной усадьбы: котлованы одного жилого и шести хозяйственных наземных сооружений, образовавшие северную и западную линию надворных построек и оформленные канавками от ограды. Площадь видимой части усадьбы составила 120 кв.м. Жилая постройка вошла в раскоп частично. Она была разрушена пожаром, дно ямы прокалено. Хорошо читаемые прослойки древесного тлена в заполнении ямы, полого спускающиеся к центру ямы, образовали мощные завалы толщиной до 15 см [Кабаев, 2012, с. 69; Кабаев, Гальчук, 2015, с. 54–56].

Кости были обнаружены в двух хозяйственных ямах, располагавшихся южнее жилого сооружения. Керамические комплексы из этих ям образованы древнерусской круговой керамикой первой половины XIII века. Вещевые комплексы из построек усадьбы также укладываются в датировку не позднее середины XIII века. В стратиграфии обоих сооружений прослеживались угольные полосы и скопление древесного тлена, поверх которых были сложены человеческие останки.

К сожалению, археологический объект с санитарным захоронением был разрушен строителями. Антропологический материал буквально вынимался из-под ковша экскаватора, тем не менее, он был собран.

Целью исследования является введение этого небольшого, но важного материала в научный оборот, а также анализ антропологических особенностей изученной группы домоногильского населения города Владимира.

Материалы и методы

В случаях массовых захоронений, когда нарушена анатомическая целостность костяка погребенных, необходимо учитывать разрозненные скелеты и части скелетов по специальной методике. Подсчитывается количество целых черепов и сводов черепа, которое суммируется затем с количеством лобных костей (или их фрагментов с сохранившейся точкой *glabella*) или с количеством затылочных костей (или их фрагментов с сохранившейся областью точки *opisthion*). Отдельно подсчитывается количество нижних челюстей с сохранившейся областью точки *gnathion*. Суммарное количество индивидов определяется как наибольшее из трех показателей. Аналогично ведется подсчет по костям посткраниального скелета: учитываются крупные кости скелета, сохранность которых, как правило, лучше. Определение пола и возраста проводилось по стандартным методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966]. Краниологическое исследование проводилось по стандартной программе [Алексеев, Дебец, 1964, с. 52–74].

Статистическая обработка включала в себя классические и многомерные методы исследования и проводилась с помощью пакета программ STATISTICA 10 и с помощью программы MultiCan [Гончаров, Гончарова, 2016]. Были также вычислены расстояния Махаланобиса между группами в пространстве всех канонических переменных.

В качестве сравнительного материала в анализ были включены близкие по времени и территории выборки Восточной Европы. Отдавалось предпочтение выборкам с численностью индивидов достаточной для статистической обработки. Поскольку особенный интерес представляют сравнение городского населения Владимира и ближайших регионов, по индивидуальным краниометрическим данным Т.И. Алексеевой, опубликованным в 1966 году [Alexiejewa, 1966] были созданы базы индивидуальных данных по курганам Владимирской, Нижегородской и Рязанской губерний. Выборка курганов Владимирской губернии включила в себя данные по черепам Архангельской волости Меленковского уезда (данные Т.И. Алексеевой), по Муромскому уезду (материалы из курганов у деревни Зиминка опубликованы Т.И. Алексеевой, материалы из курганов у деревни Бо-

рисово измерены Д.С. Конопелькиным, отдельно не публиковались), а также материалы из курганов «древних славян» без указания конкретного уезда Владимирской губернии. Суммарно серия из курганов возле Владимира насчитывает 24 мужских и 14 женских черепов разной степени сохранности. Рязанские материалы представлены черепами из Касимовского уезда Рязанской губернии (суммарно 10 мужских и 20 женских черепов), а нижегородские курганы представлены материалами из раскопок в Балахнинском уезде, суммарно 10 мужских черепов.

Могильники словен новгородских (см. табл.1)¹ представлены смешанными сериями с территории Новгородской области (курганы у д. Хреплё и д. Косицкое, рассчитана взвешенная средняя) и Вологодской области (курганы возле деревень Новинки, Володино, Плоское, Стёпаново, рассчитана взвешенная средняя).

Дополнительно к краниологическим сериям соседних регионов в анализ были включены радимичи, дреговичи и некоторые балтские группы – как носители массивного краниологического варианта, выраженного в этих группах в разной степени.

Результаты

Очевидно, что изученная выборка представляет собой одномоментный срез популяции. В этом состоит ее отличие от классических выборок городских некрополей, включающих индивидов разных эпох.

В погребении захоронено не менее 43 взрослых индивидов и не менее 14 детей. Количество детей составляет 24% от общего объема выборки, причем основное их число (11 индивидов) приходится на возраст 3–11 лет. Средний возраст смерти в мужской части выборки 31,7 лет, в женской подгруппе – 38,3 года. Соотношение мужчин и женщин определено по краниологическим признакам и составляет 53% мужчин и 47% женщин от общего числа достоверно определенных взрослых. Особенностью выборки является практически полное отсутствие людей пожилого воз-

¹ Авторы выражают признательность Д.В. Пежемскому за возможность использовать неопубликованные данные по одному из некрополей г. Владимира.

раста. Приведенные данные о среднем возрасте смерти, разумеется, не могут с полным основанием сравниваться с палеодемографическими данными по обычным городским некрополям, но они дают представление о тех демографических особенностях, которые характерны для этого массового погребения. Учитывая возрастающее число таких памятников, данные могут быть полезны для сравнения результатов по различным массовым захоронениям средневекового поселения.

Изученный археологический объект представляет собой единовременное захоронение большого количества индивидов в яме хозяйственного назначения. Такого рода памятники обычно свидетельствуют о неких трагических событиях (эпидемии, войны) в истории изучаемого населенного пункта. Действительно, у

большинства индивидов изученной выборки обнаружены черепные травмы, переломы черепа, рубленые удары по своду черепа и т.д., которые свидетельствуют о нападении вооруженного отряда всадников: большинство травм, в том числе рубленые, находится на верхней части свода черепа [Гончарова, 2015]. Из 24 черепов, сохранность которых позволяет проанализировать прижизненные повреждения и разрушения костной ткани, на 14 (58,3%) обнаружены травмы без следов некротического процесса и следов заживления, таким образом, эти повреждения нанесены незадолго до смерти или были собственно причиной смерти. В ряде случаев характер травм позволяет утверждать, что они наносились лежащему человеку, что обычно означает, что жертву добивали. Травматические повреждения по своему характеру

Таблица 1. Сравнительные материалы
Table 1. Materials for comparative study

№ на рис.	Краниологическая серия	Датировка, век	Автор описания
1	Владимир, санитарное захоронение	XIII	Гончарова, Конопелькин 2014
2	Владимир, некрополь у церкви Свт. Николая в Галеях	XIII–XIV	Неопубликованные данные Д.В. Пежемского
3	Смоленск	XII–XIII	Алексеева, 1973
4	Ярославль (Рубленый город)	XIII	Гончарова, 2011
5	Старая Рязань	XII–XIII	Алексеева, 1973
6	Курганы кривичей Муромский уезд, Меленковский уезд и др. р-ны Владимирской губ.	X–XII	Алексеева 1973, Alexiejewa, 1966
7	Курганы кривичей Касимовский уезд, Рязанская губ.	X–XII	Алексеева 1973, Alexiejewa, 1966
8	Курганы кривичей Нижегородская губ.	X–XII	Алексеева 1973, Alexiejewa, 1966
9	Кривичи костромские	X–XII	Алексеева, 1973
10	Кривичи ярославские	X–XII	Алексеева, 1973
11	Кривичи тверские	X–XII	Алексеева, 1973
12	Кривичи смоленские	X–XII	Алексеева, 1973
13	Курганы Вологодской области, словене новгородские	XI–XIII	Гончарова, 2000
14	Могильники Новгородской области, словене новгородские	X–XII	Гончарова, 2000
15	Вятичи II группы, среднее течение р. Москвы	XII–XIII	Алексеева, 1973
16	Вятичи III группы, междуречье Москвы и Клязьмы	XII–XIII	Алексеева, 1973
17	Вятичи IV группы, междуречье Москвы и Пахры	XII–XIII	Алексеева, 1973
18	Радимичи	X–XII	Алексеева, 1973
19	Дреговичи западные	X–XIII	Алексеева, 1973
20	Латгалы (1-я группа)	X–XII	Алексеева, 1973
21	Латгалы (2-я группа)	X–XII	Алексеева, 1973
22	Земгалы	V–VII	Алексеева, 1973
23	Земгалы	II–IX	Алексеева, 1973
24	Переславль-Залесский	XIII	Рассказова, 2021

практически полностью совпадают с теми, которые были обнаружены при исследовании массовых захоронений в Ярославле [Энговатова с соавт., 2009; Vuzhilova, Goncharova, 2009]. К настоящему моменту описаны и другие коллективные погребения городских жителей, которые исследователи соотносят с первым монгольским походом на Русь в 1238 г. Они зафиксированы археологами в Старой Рязани [Даркевич, Борисевич, 1995], в Переславле-Залесском [Расказова с соавт., 2021] и некоторых других городах.

Особенности травматических повреждений на костях черепа во всех случаях схожи, что говорит о единообразной тактике нападавших. Можно ожидать, что список подобных санитарных захоронений в древнерусских городах будет расширяться.

Мужская часть выборки представлена одиннадцатью краниологическими образцами разной сохранности. Женская часть серии меньше, поэтому не участвует в сравнительных многомерных анализах (табл. 2). В целом, мужская часть

Таблица 2. Основные статистические параметры краниологической серии из санитарного захоронения во Владимире
Table 2. The main statistical parameters of the craniological series from mass grave from Vladimir

Номер по Мартину или др. обозначение	Мужчины				Женщины			
	N	M	S	Std.Err	N	M	S	Std.Err
1	8	191,13	7,28	2,57	6	182,50	4,28	1,75
8	8	139,63	4,14	1,46	6	136,00	3,85	1,57
8:1	8	73,10	2,21	0,78	6	74,56	2,90	1,19
17	6	142,33	5,13	2,09	4	130,75	9,60	4,80
17:1	6	74,31	3,00	1,23	4	71,03	6,12	3,06
5	6	105,00	3,03	1,24	4	99,00	2,45	1,22
9	11	97,53	4,81	1,45	6	97,95	6,74	2,75
УПИЛ*	11	135,85	3,69	1,11	6	132,82	2,60	1,06
10	7	118,43	6,00	2,27	6	120,00	6,60	2,70
11	7	125,07	3,03	1,15	5	117,00	5,79	2,59
12	7	110,43	2,88	1,09	4	106,50	5,07	2,53
45	5	137,40	2,61	1,17	4	128,00	7,39	3,70
45:8	5	98,20	2,12	0,95	4	93,90	3,07	1,53
9:45	5	71,80	3,01	1,35	4	76,33	4,93	2,46
48	3	67,00	2,65	1,53	2	65,50	2,12	1,50
48:45	2	49,99	0,52	0,37	2	52,84	2,31	1,64
43	9	107,00	3,20	1,07	5	105,20	4,66	2,08
46	2	98,00	4,24	3,00	2	96,50	0,71	0,50
55	3	48,17	2,40	1,39	2	47,15	0,35	0,25
54	3	27,00	0,40	0,23	2	25,50	1,27	0,90
54:55	3	56,16	3,24	1,87	2	54,07	2,29	1,62
51	4	41,90	1,87	0,93	3	39,97	1,29	0,74
52	3	30,77	1,78	1,03	3	31,63	0,71	0,41
52:51	3	74,25	7,49	4,33	3	79,20	2,90	1,67
77 (<NM)	10	140,18	4,85	1,53	6	139,50	3,87	1,58
<ZM	3	126,83	4,61	2,66	2	125,90	2,97	2,10
SC	7	10,83	2,83	1,07	4	10,55	0,64	0,32
SS	7	5,09	1,57	0,59	4	4,10	0,83	0,41
ss:sc	7	46,54	5,86	2,22	4	39,28	10,02	5,01
50(mc)	6	21,55	2,04	0,83	5	23,18	2,32	1,04
ms	6	8,70	2,20	0,90	5	8,72	1,60	0,72
DC	4	19,95	4,69	2,35	2	24,30	1,84	1,30
DS	4	12,70	2,81	1,41	2	13,15	0,21	0,15
ds:dc	4	63,91	2,33	1,17	2	54,24	3,23	2,28
75.1	3	30,50	9,19	5,31	2	20,00	0,00	0,00

Примечание. УПИЛ – угол поперечного изгиба лба по Гохману [Гохман, 1961]

Notes. UPIL – angle of frontal bone transverse bending

выборки отличается очень длинной, среднеширокой долихокранный черепной коробкой. Выступление носовых костей – сильное, выступание переносицы – тоже сильное, однако необходимо учитывать малые численности наблюдений по этим признакам. Углы горизонтальной профилировки лица относятся к категории малых величин, т.е. лицо резко профилировано. То же можно сказать и об угле поперечного изгиба лба, он также малый.

Для сравнения средних характеристик изученной группы и соседних серий проведен дисперсионный анализ. Изученная краниологи-

ческая выборка по всем характеристикам (в особенности по габаритным размерам черепа и лица, степени выступания переносицы, по углам горизонтальной профилировки) заметно отличается от соседних синхронных краниологических серий (рис. 2).

Очевидно, что кривичи этого региона, описанные в монографии Т.И. Алексеевой [1973] более брахикранны, размеры черепной коробки в целом меньше, степень выступания носовых костей заметно меньше, а горизонтальная профилировка менее выражена. Если же характе-

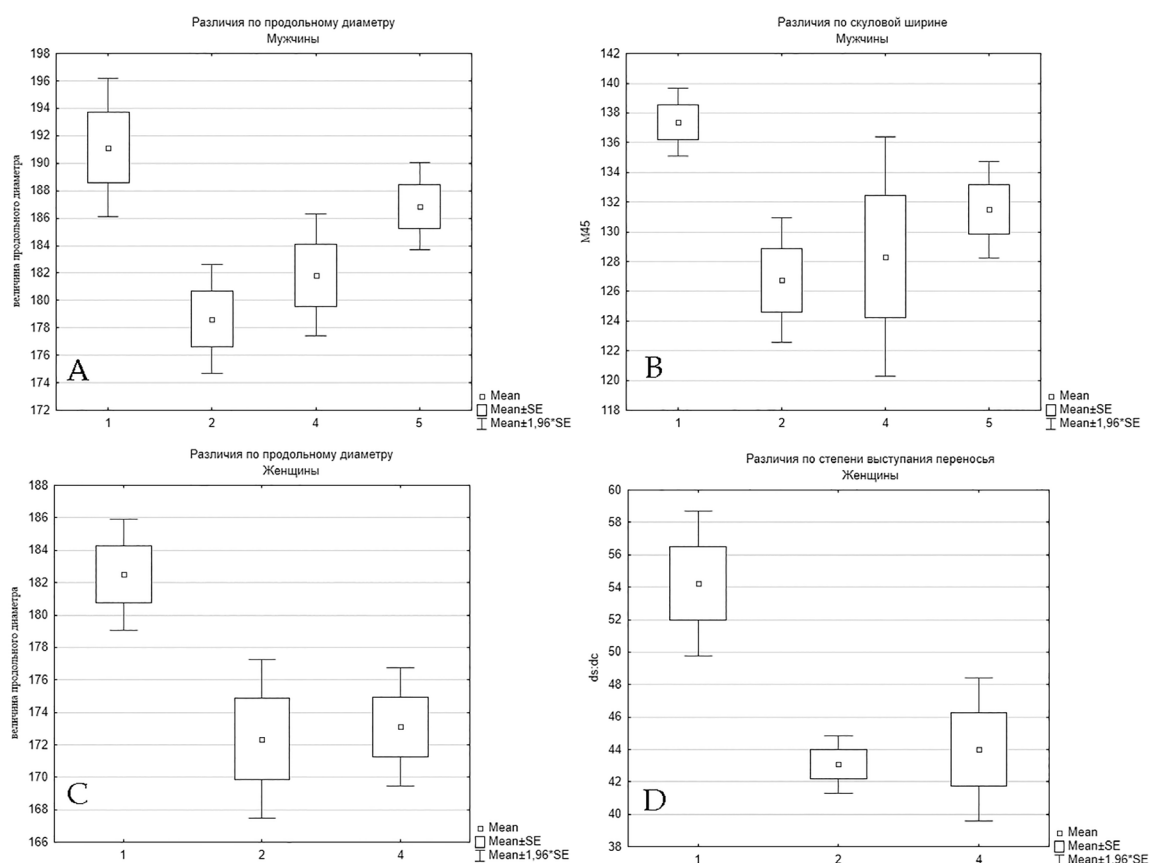

Рисунок 2. Результаты сравнения выборок с помощью дисперсионного анализа

Figure 2. ANOVA results of samples comparing

Примечания. А – продольный диаметр черепа, мужские выборки; В – скуловая ширина, мужские выборки, С – продольный диаметр, женские выборки; D – дакриальный указатель, женские выборки
1 – серия из санитарного захоронения г. Владимир; 2 – суммарная серия Владимирской области; 4 – суммарная серия из бывш. Касимовского уезда Рязанской губ.; 5 – суммарная серия Нижегородской губернии
Notes. A – maximum cranial length, men samples; B – zygomatic breadth, men samples; C – maximum cranial length women samples; D – dacryal index, women samples.

1 – sample from Vladimir-city; 2 – sample from Vladimir's region rural population; 4 – sample from Ryasan's region rural population; 5 – sample from Nizhniy Novgorod region rural population

ризовать выборку из санитарного захоронения на ул. Златовратского в целом, можно уверенно говорить, что и мужская, и женская часть выборки отличается подчеркнутой европеидностью антропологического типа.

При анализе выборок региона с помощью многомерного шкалирования эти отличия также хорошо проявляются. Анализ проводился с использованием Эвклидова расстояния, рассчитанного по 15 признакам (номера признаков по Мартину: 1, 8, 17, 5, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, SS, SC, 75(1), 77). Выбор признаков для анализа обусловлен как их информативной значимостью,

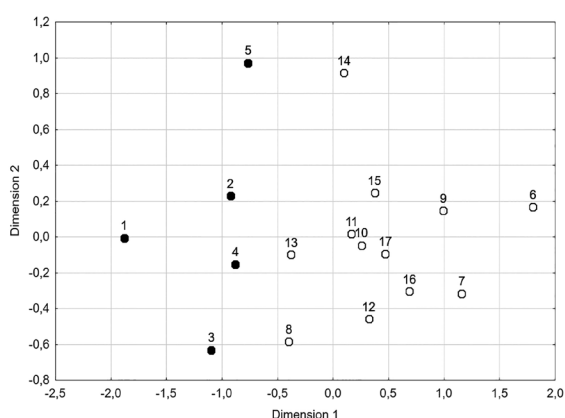

Рисунок 3. Результаты многомерного шкалирования выборок региона

Figure 3. Results of multidimensional scaling for urban and rural samples of East Europe

Примечания. ● – городские выборки ○ – сельские выборки.

1. г. Владимир, санитарное захоронение; 2. г. Владимир, некрополь у церкви Свт. Николая в Галеях; 3. Смоленск; 4. Ярославль; 5. Старая Рязань; 6. курганы Владимирской обл., кривичи; 7. курганы Рязанской обл., кривичи; 8. курганы Нижегородской обл., кривичи; 9. кривичи костромские; 10. кривичи ярославские; 11. кривичи тверские; 12. кривичи смоленские; 13. курганы Вологодской обл. словене новгородские; 14. курганы Новгородской обл. словене новгородские; 15. вятичи II группы, среднее течение р. Москвы; 16. вятичи III группы, междуречье Москвы и Клязьмы; 17. вятичи IV группы, междуречье Москвы и Пахры.

Notes. ● – urban samples ○ – rural samples

1. Vladimir-city, sanitary burial 13 c; 2. Vladimir-city, ordinary necropolis of 13-14 cc. 3. Smolensk-city; 4. Yaroslavl-city; 5. Old City of Ryazan; 6. Krivichi of Vladimir region; 7. Krivichi of Ryzan region; 8. Krivichi of Nizhniy Novgorod region; 9. Krivichi of Kostroma region; 10. Krivichi of Yaroslavl region; 11. Krivichi of Tver region; 12. Krivichi of Smolensk region; 13. Slovenes of Vologda region; 14. Slovenes of Novgorod region; 15. Vyatichi of the middle Moskva-river's basin; 16. Vyatichi of Moskva-Klyazmin interfluves; 17. Vyatichi of the low Moskva-river's basin.

так и набором опубликованных данных по сравнительному материалу. В частности, в публикациях нечасто встречаются дакриальные размеры, в ряде случаев отсутствует информация о значении зигомаксиллярного угла.

По результатам многомерного шкалирования (рис. 3) видно, что выборка из санитарного захоронения г. Владимира довольно далеко отстоит не только от других городских выборок, но и прежде всего – от выборок «своего» региона. Анализируя положение групп в пространстве многомерного шкалирования, можно выделить три зоны графика. В левой половине координатного поля расположились городские выборки, на правой половине поля – сельские группы. Это разделение довольно очевидно и устойчиво воспроизводится в разных работах, посвященных сравнительному анализу городских и сельских выборок разных эпох [Конопелькин, Гончарова, 2016; Бабкина, Гончарова, 2021]. В свою очередь сельские группы разделяются на два кластера, один из которых представлен группами восточных кривичей с территории Костромского Поволжья и зоны контакта славянских и финских групп в среднем и нижнем течении Оки.

Метод многомерного шкалирования изучает всю изменчивость признаков в целом, не разделяя на внутригрупповую, которая имеет биологическую основу, и межгрупповую, в которой можно предполагать исторические корреляции. Канонический дискриминантный анализ учитывает закономерности внутригрупповой изменчивости в качестве «биологического фона», за счет чего изучение межгрупповой вариации становится более информативным. Для проведения канонического дискриминантного анализа использован тот же набор признаков, но несколько расширен состав сравнительного материала: добавлены группы с более выраженной «краниологической массивностью». В их число вошли дреговичи, радимичи, а также четыре балтские группы. Кроме того, добавлена информация по домонгольскому населению Переславля-Залесского (см. табл. 1). Результаты отражены на рисунке 4, стандартизованные коэффициенты дискриминантной функции – в таблице 3.

Рисунок 4. Графические результаты канонического дискриминантного анализа
Figure 4. Scatterplot of multivariate discriminant analysis

Примечания. 1 – городские группы; 2 – кривичи Поволжья, кривичи и вятичи нижнего течения реки Москвы и московско-клязьменского междуречья; 3 – словене новгородские, кривичи тверские и смоленские, дреговичи, радимичи; 4 – балтские группы начала I тыс. н.э.

1. г. Владимир, санитарное захоронение; 2. г. Владимир, некрополь у церкви Свт. Николая в Галеях; 3. Смоленск; 4. Ярославль; 5. Старая Рязань; 6. курганы Владимирской обл., кривичи; 7. курганы Рязанской обл., кривичи; 8. курганы Нижегородской обл., кривичи; 9. кривичи костромские; 10. кривичи ярославские; 11. кривичи тверские; 12. кривичи смоленские; 13. курганы Вологодской обл. словене новгородские; 14. курганы Новгородской обл. словене новгородские; 15. вятичи II группы, среднее течение р. Москвы; 16. вятичи III группы, междуречье Москвы и Клязьмы; 17. вятичи IV группы, междуречье Москвы и Пахры; 18 – радимичи; 19 – дреговичи западные; 20, 21 – латгалы; 22, 23 – земгалы; 24 – Переславль-Залесский.

Notes. 1. urban groups; 2. Krivichi of east region of Slavic settlement; 3. Slavics groups of west regions of East Europe; 4. Balts of the first millennium A.D.

1. Vladimir-city, sanitary burial 13 c; 2. Vladimir-city, ordinary necropolis of 13-14 cc. 3. Smolensk-city; 4. Yaroslavl-city; 5. Old City of Ryazan; 6. Krivichi of Vladimir region; 7. Krivichi of Ryzan region; 8. Krivichi of Nizhniy Novgorod region; 9. Krivichi of Kostroma region; 10. Krivichi of Yaroslavl region; 11. Krivichi of Tver region; 12. Krivichi of Smolensk region; 13. Slovenes of Vologda region; 14. Slovenes of Novgorod region; 15. Vyatichi of Moscow region; 16. Vyatichi of middle Klyazma river basin; 17. Vyatichi of low Moskva river basin; 18. Radimichi; 19. Dregovichi; 20-23. Balts groups; 24. Pereslavl-Zalesskiy.

Получившаяся конфигурация координатного поля во многом совпадает с результатами многомерного шкалирования. Первая дискриминантная функция (описывает 32% межгрупповой изменчивости) разделяет группы по величине продольного диаметра черепа, по степени выступаюния носовых костей к линии профиля и назомаллярному углу: группы с большими значениями этих признаков расположены на правой половине координатного поля. Это, прежде всего – балтские группы, в кластер которых попадает и выборка из санитарного захоронения Владимира. Для этих выборок, кроме того, характерны также низкая и широкая глазница, относительно высокий и узкий нос. Следует подчеркнуть, что наибольший «вес» в разделении по первой канонической переменной играет сте-

пень выступаюния носовых костей к линии профиля, а в анализируемой выборке из санитарного захоронения г. Владимира это параметр рассчитан всего лишь по трем индивидам. Это обстоятельство может оказывать влияние на такое обособленное положение выборки по отношению к другим городским группам, в том числе и по отношению к чуть более поздней выборке с территории Владимира (№ 2 на графике). Для проверки такого предположения оба вида анализа (многомерное шкалирование и дискриминантный анализ) были проведены также и с исключением размера 75(1). Полученные результаты оказались идентичными, хотя деление выборок становится менее выраженным, что и понятно. Тем не менее, основные закономерности межгрупповой дифференциации сохраняются,

в том числе – сохраняется довольно обособленное положение группы из санитарного захоронения Владимира.

На противоположной стороне координатного поля – кривичские группы из зоны контакта славянского и финского населения в Поволжье и из области среднего и нижнего течения Оки (суммарные серии Владимирской, Рязанской и Костромской областей). Очевидно, что они отличаются противоположным сочетанием признаков: более короткий череп, меньшее выступание носовых костей к линии профиля, более округлая глазница, более широкий нос и т.п. К ним достаточно близко расположены выборки ярославских кривичей (№10) и вятичей междуречья Москвы и Клязьмы (№16). Большинство древнеславянских групп, как городских, так и сельских занимают промежуточное положение на этой оси «балты-восточные кривичи».

Вторая каноническая переменная разделяет выборки по пропорциям черепа и лица, без привязки к географическому положению. В верхней части поля расположены выборки с относительно малой шириной черепа на фоне относительно большой скуловой ширины. Здесь оказались смоленские кривичи (№12), западные дре-

говичи (№19), а также домонгольское население Переславля-Залесского (№24) и одна из групп латгалов. На нижней половине поля образовался небольшой кластер из четырех выборок (городское население Ярославля и Старой Рязани и сельские выборки словен новгородских), которые отличаются другой пропорцией широтных размеров – более узким лицом на фоне большей величины поперечного диаметра черепа.

Обсуждение

Анализируя полученные результаты, надо отметить прежде всего отличие городской выборки Владимира от территориально близких выборок курганного населения Владимирской губернии. Это отличие связано с более крупными габаритными размерами лица и мозговой коробки, а также с ярко выраженной европеоидностью изученной группы, которая проявляется в степени выступления переносья и углах горизонтальной профилировки. Необходимо учитывать, что уплощенность лица на территории Восточноевропейской равнины возрастает с запада на восток. По мнению Т.И. Алексеевой «кривичи северо-восточных районов составляют

Таблица 3. Стандартизованные коэффициенты дискриминантных функций (канонических переменных)

Table 3. Standardized Coefficients for Canonical Variables (roots)

номера признаков по Мартину	коэффициенты для КП1 root 1	коэффициенты для КП2 root 2	коэффициенты для КП3 root 3
M.1	0,612	0,200	0,493
M.8	0,036	-0,966	-0,184
M.17	0,145	-0,290	-0,176
M.5	0,201	-0,314	0,531
M.9	-0,125	0,187	0,290
M.45	-0,117	0,895	-0,636
M.48	-0,113	-0,107	0,226
M.55	0,231	0,049	-0,305
M.54	-0,198	-0,090	0,307
M.51	0,237	0,013	-0,141
M.52	-0,223	-0,116	0,339
SC	0,354	-0,245	-0,413
SS	-0,188	0,400	0,230
75(1)	0,707	-0,014	-0,285
77	0,456	-0,179	0,218
межгрупповая дисперсия (собственное число, eigenvalues)	20,267	9,504	5,998
доля объясняемой изменчивости (proportion of explained variability)	0,322	0,159	0,094

группу, в которой европеоидные черты... несколько ослаблены» [Алексеева, 1973, с. 50]. А по мнению археологов, проводивших раскопки курганов в Ярославском и Костромском Поволжье и в нижнем течении реки Оки и Клязьмы, в погребальном обряде славянских курганов этого региона «весьма заметно местное мерянское влияние» [там же, с. 21]. Таким образом, отличие населения домонгольского Владимира от окружающих выборок не исчерпывается только увеличением абсолютных размеров, но включает в себя и важные расово-диагностические признаки. Обособленное положение выборок с территории восточных регионов расселения славян в XI–XIII вв. на графике многомерного шкалирования (рис.3 № 6, 7, 9) очевидно может быть объяснено усилением финского влияния на морфологический тип населения зоны контакта финнов и славян. Неудивительно, что правый полюс графика занят выборками с территории Владимирской, Рязанской и Костромской областей, к которым ближе всего расположены группы вятичей с территории московско-клязьменского междуречья и низовьев реки Москвы.

Интересным явлением стало сближение выборок из Старой Рязани (№5) и центра Новгородской земли (№14), которые довольно сильно обособились от остальных групп. Эта обособленность стала еще более отчетливой в координатах канонических векторов дискриминантного анализа. Возвращаясь к положению исследуемой выборки из санитарного захоронения, следует отметить, что эта группа по сочетанию морфологических признаков не находит аналогов не только среди соседних групп сельского населения, которые оказались просто на противоположной стороне координатного поля, но также и среди синхронных городских выборок. Такое сильное обособление выборки из санитарного захоронения Владимира даже и от остальных городских выборок является довольно интересным.

Использование математического аппарата многомерного дискриминантного анализа, который позволяет изучить только межгрупповую изменчивость, а также добавление некоторых групп сравнительного материала позволяет увидеть основные закономерности более выпукло. В частности, массивность, европеоид-

ность, заметная долихокранность серии из санитарного захоронения, которые противопоставляют ее ближайшему курганному населению, находят аналоги среди более ранних балтских групп. Этот результат, разумеется, нуждается в дальнейшем осмыслении и поиске исторических свидетельств, которые могли бы объяснить выявленный феномен. Как уже говорилось, отдельный интерес представляет собой выделение по второй канонической переменной отдельного небольшого кластера, включающего в себя выборки словен новгородских Старой Рязани и Ярославля. При этом территориально более близкие выборки (словене центрального региона Новгородской земли и смоленские кривичи) оказались на противоположных полюсах межгрупповой изменчивости. Очевидно, мы наблюдаем здесь отражение неких потоков освоения восточноевропейской равнины славянскими переселенцами.

Миграционные потоки населения в первом тысячелетии нашей эры, к сожалению, невозможно реконструировать по антропологическим данным. Поэтому для понимания происходивших процессов необходимо обращаться к данным истории, археологии, лингвистики. Реконструируя по археологическим и лингвистическим данным процесс освоения славянами пространства Восточной Европы, В.В. Седов полагает, что первая волна славянских переселенцев на северные земли представлена культурой длинных курганов, появившихся на Новгородско-Псковских землях в первой половине I тысячелетия н.э. Южнее Псковско-Ильменского региона расселялись представители еще одной, менее яркой славянской культуры, ареал которой маркируется браслетообразными височными кольцами [Седов, 1999, с. 159]. Эти две группы, хорошо идентифицируемые по особенностям диалектологии [Зализняк, 1984; Дыбо с соавт., 1990], составили основу населения Смоленского Поднепровья, а затем постепенно освоили Волго-Клязьменское междуречье. Именно они уже во второй половине I тысячелетия н.э. проникают на территории муромы и мери, составив в дальнейшем ядро населения Ростово-Суздальской земли и оттеснив мерянское население далее на восток ареала, в частности, на территорию Костромского Поволжья.

Вторая волна расселения западных славян на северорусских землях связывается с культурой новгородских сопок, носители которой, появившись в бассейне Ильменя во второй половине первого тысячелетия, усилили движение населения культуры длинных курганов в южном направлении. Таким образом, смоленско-полоцкие длинные курганы, по мнению В.В. Седова, оставлены уже смешанным населением. Оно включило в себя как днепровских балтов, так и переселенцев из псковско-ильменского региона, приходивших сюда и в середине, и затем в конце первого тысячелетия нашей эры. В результате к началу второго тысячелетия в северо-западном регионе сформировалось два ядра расселения древних славян, одно из которых представлено довольно смешанным населением и ассоциируется со смоленско-полоцкими кривичами, а другое – ильменскими словенами. По археологическим материалам X–XI вв. удается проследить как раз эти два вектора движения на восток: одно из более северных территорий ильменских словен, по бассейну Мологи в сторону Ярославского Поволжья. Другая волна миграций шла вдоль Волги с верховьев Днепра. Эти потоки естественным образом пересекались в пределах Ростово-Суздальского княжества, смешиваясь и с финским, и с раннеславянским населением, пришедшим сюда за несколько столетий до этого. Эти процессы миграции могут обуславливать наблюдаемые различия между разными, даже территориально близкими группами славянского домонгольского населения.

В рамках данного исследования интересен анализ той группы, которая была обнаружена в санитарном захоронении XIII века на территории Ветчаного города во Владимире. Население Владимира формировалось внутри довольно мощных крепостных стен. Этот факт важен, так как к рубежу X–XI вв. в регионе еще сохраняется автохтонное мерянское население, подвергшееся славянизации представителями первой волны переселенцев на территорию Поднепровья. Изученная выборка отличается от синхронного сельского населения очень крупными размерами черепа, низкими широкими глазницами и выступающим носом, что сближает ее прежде всего с балтскими группами – носителями массивного краниологического типа. Кроме того, можно го-

ворить о влиянии некоторых восточнославянских групп, происхождение которых также следует связывать с переселенцами с территории распространения смоленско-полоцких курганов.

Заключение

Проведенный анализ материалов из санитарного захоронения XIII века в центральной части г. Владимира показал, что группа обладает выраженным своеобразием краниологического типа. Особенностью как мужской, так и женской группы является довольно крупные размеры мозговой коробки, низкие и широкие глазницы, довольно сильная горизонтальная профилировка лица, сильное выступание носовых костей к линии профиля (этот признак выражен в мужской подгруппе). Описанные характеристики резко отличают изученную группу от соседних синхронных выборок не только окружающего сельского населения, но и большинства городских выборок, в том числе от выборки XIII–XIV вв с территории Владимира. Сравнительные анализы краниологических особенностей позволяют связывать происхождение этой группы населения с территорией Верхнего Поднепровья. Влияние финского компонента на изученное население практически отсутствует. Анализ травм однозначно свидетельствует, что изученное население стало жертвой нападения военизированного отряда всадников, археологический контекст захоронения позволяет довольно определенно датировать его первой половиной XIII века.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-29-01017 «Взаимодействие славянских и финноязычных племен в Волго-Окском междуречье и этногенез русского народа: генетическая история длиной в тысячелетие» и Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ для Медико-генетического научного центра им. акад. Н.П. Бочкова.

Библиография

- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., Наука. 1966. 251 с.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 1964. 128 с.

- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ. 1973. 332 с.
- Бабкина А. Д., Гончарова Н. Н. Антропологическая характеристика населения Муром и Нижнего Новгорода XVI-XVII вв. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Т. 10. М.: ИА РАН, 2020. С. 90–101.
- Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan) // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. М., 2016.
- Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России. Антропология. М.: Старый сад. 2000. С. 66–94.
- Гончарова Н.Н. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии, 2011. Вып. 19. С. 202–216.
- Гончарова Н.Н. Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. Т. 5. М.: ИА РАН. 2015. С. 69–75.
- Гончарова Н. Н., Конопелькин Д. С. Новые данные к антропологии финских племен Верхней Волги и бассейна Оки // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты. Санкт-Петербург. 2014. С. 89–103.
- Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии, 1961. Т. 8. С. 88–98.
- Грибов Н.Н. Археологические раскопки в квартале 22 исторического ядра г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли. Т. 2. М.: ИА РАН. 2008. С. 84–91.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 1995. 225 с.
- Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М.: Наука. 1990. 284 с.
- Жарнов Ю.Э. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. 2003. С. 48–58.
- Жарнов Ю.Э. Возвращение культурных ценностей древнего города // Археологические открытия 1991-2004 гг. М.: ИА РАН. 2009. С. 430–442.
- Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы исторического языкознания, 1984. Вып. 5. С. 36–153.
- Кабаев Д.А. Отчет о раскопках в историческом ядре г. Владимира в 2007 году (Раскоп 2 по ул. Большая Московская, 22 квартал). Владимир. 2008.
- Кабаев Д.А. Отчет о раскопках в г. Владимир в 2011 году (Раскоп 1, по ул. Златовратского, 1). Владимир. 2012.
- Кабаев Д.А., Гальчук Л.Л. Археологические раскопки в квартале 22 исторического ядра г. Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 5. М.: ИА РАН. 2015. С. 52–59.
- Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология, 2016. № 2. С. 73–85.
- Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир. 1999. С. 153–160.
- Рассказова А.В., Зейфер В.А., Мазурок О.И. Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском // Вестник археологии, антропологии и этнографии (электронный журнал), 2021. № 4 (55). С. 138–150. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-11>.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская археология, 2009. № 2. С. 68–78.

Сведения об авторах

Гончарова Наталья Николаевна, к.б.н.; ORCID ID: 0000-0001-8504-1175; e-mail: 1455008@gmail.com;

Кабаев Данил Андреевич; e-mail: d.kabaev@mail.ru.

Поступила в редакцию 02.04.2022,
принята к публикации 26.04.2022.

Goncharova N.N.^{1,2)}, Kabaev D.A.³⁾

¹⁾ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Biology, Department of Anthropology, Leninskie Gory, 1(12), Moscow, 119234, Russia

²⁾ Research Center of Medical Genetics, Moskvorechye St, 1, Moscow, 115522, Russia

³⁾ LLC Vladimir regional center of archeology at VLSU, Mira street, 9, 101, Vladimir, 600014, Russia

ANALYSIS OF ANTHROPOLOGICAL MATERIAL FROM THE SANITARY BURIAL OF THE CITY OF VLADIMIR OF THE XIII CENTURY

Introduction. *The study of the population formation processes of the city of Vladimir, the capital of the Vladimir-Suzdal Principality, is an important task for archaeologists, historians, linguists and anthropologists. However, materials on the anthropology of the ancient Russian population of this city began appearing relatively recently. The purpose of this work is to publish and analyze data on the pre-Mongolian population of ancient Vladimir.*

Materials and methods. *The work is based on craniological data obtained during the study of a sample from a 13th-century sanitary burial in the historical center of Vladimir. 43 adults of both sexes were studied. Demographic and craniological indicators, as well as skull injuries were analyzed to understand the circumstances of the appearance of a mass grave.*

Results. *The studied complex is a one-time burial of a large number of individuals in the household utility basement of a ground building. The archaeological context of the sanitary burial allows us to confidently date it to the first half of the 13th century. It has been established that 58% of individuals have injuries to the skull bones, which either caused death or were inflicted shortly before death. A comparative statistical analysis involving craniological data from 24 synchronous samples revealed a great similarity of the male studied group with the Balts and Slavs of the Upper Dnieper region. At the same time, a strong difference from rural population of neighboring territories was found.*

Conclusions. *The location and characteristics of the burial, as well as fatal injuries, indicate that the citizens died as a result of a military conflict. The traumatic injuries are similar in nature to those found during the study of other mass graves in ancient Russian cities. Comparative analyzes of craniological features make it possible to link the origin of this population group with the territory of the Upper Dnieper region, through which two waves of migration of Slavic settlers passed during first millennium AD. No influence of migrants from the territory of the Novgorod lands was found. Influence of the local Finnish component on the studied group is also absent.*

Keywords: paleoanthropology; craniology; urban population; mass burial; ancient Russian city

References

Alekseev V.P. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Osteometry. The Method of an anthropological research]. Moscow: Nauka, 1966. 251 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranio-metry. The Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Alexeeva T.I. *Etnogenez vostochnyh slavyan po dannym antropologii* [Ethnogeny of East Slavs according to anthropological data]. Moscow: MGU, 1973. 332 p. (In Russ.).

Babkina A.D., Goncharova N.N. *Antropologicheskaya karakteristika naseleniya Muroma i Nizhnego Novgoroda XVI-XVII vv.* [The population of Murom and Nizhny Novgorod in 16-17 cc: anthropological characteristics]. In *Arheologiya Vladimir-Suzdal'skoj zemli* [Archeology of the Vladimir-Suzdal region]. V.10. M.: Institute of Archaeology RAS, 2020. pp. 90–101. (In Russ.).

Goncharov, I.A., Goncharova N.N. *MultiCan program for analyzing multidimensional data sets using sampling statistics and parameters of the general population (MultiCan)* // Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM №2016610803. №2016610803. Moscow. 2016.

Goncharova N.N. *Osobennosti antropologicheskogo tipa novgorodskih sloven v svyazi s voprosami proiskhozhdeniya* [Characteristics of anthropological type of Novgorod Slovenes in relation to the questions of their origination]. In *Narody Rossii. Antropologiya* [The peoples of Russia. Anthropology]. Moscow: Stary Sad, 2000. pp. 66–94. (In Russ.).

Goncharova N.N. *Formirovanie antropologicheskogo raznoobraziya srednevekovykh gorodov: Yaroslavl', Dmitrov, Kolomna* [Formation of the anthropological diversity of medieval cities: Yaroslavl, Dmitrov, Kolomna].

Vestnik antropologii [Herald of anthropology], 2011, (19), pp. 202–216. (In Russ.).

Goncharova N.N. *Analiz antropologicheskogo materiala iz zahoroneniya na ul. Zlatovratskogo v g. Vladimire* [Burial on Zlatovratsky street in Vladimir-city: analysis of anthropological material]. In *Arheologiya Vladimir-Suzdal'skoj zemli* [Archeology of the Vladimir-Suzdal region]. V.10. Moscow, Institute of Archaeology RAS, 2015. pp. 69–75. (In Russ.).

Goncharova N.N., Konopelkin D.S. *Novye dannye k antropologii finskikh plemen Verhnej Volgi i bassejna Oki* [New anthropological data on Finnish tribes in the Upper Volga and Oka river basin]. In *Fizicheskaya antropologiya: metodiki, bazy dannykh, nauchnye rezultaty* [Physical anthropology: methodics, databases, scientific results]. Saint Petersburg, 2014. pp. 89–103. (In Russ.).

Gokhman I.I. *Ugol poperechnogo izgiby Iba i ego znachenie dlya rasvoej diagnostiki* [Angle of frontal bone transverse bending for diagnosis of racial differences]. *Vestnik antropologii* [Herald of anthropology], 1961, 8, pp. 88–98. (In Russ.).

Gribov N.N. *Arheologicheskie raskopki v kvartale 22 istoricheskogo yadra g. Vladimira* [Archeological investigations in in the 22 quarter of Vladimir's historical centre]. In *Arheologiya Vladimir-Suzdal'skoj zemli* [Archeology of the Vladimir-Suzdal region]. V.2. M.: Institute of Archaeology RAS. pp 84–91. (In Russ.).

Darkevich V.P., Borisevich G.V. *Drevnyaya stolica Ryazanskoy zemli* [The ancient capital of the Ryazan land]. M.: Krug, 1995. 225 p. (In Russ.).

Dybo V.A., Zamyatnina G.I., Nikolaev S.L. *Osnovy slavyanskoy akcentologii* [Basics of Slavic accentology]. M.: Nauka, 1990. 284 p. (In Russ.).

Zharnov Ju.E. *Arheologicheskie issledovaniya vo Vladimire i «problema 1238 goda»* [Archaeological research in Vladimir and the "problem of 1238"] In *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [Russia in the XIII century:

Antiquities of the Dark Time]. M.: Nauka, 2003. pp. 48–58. (In Russ.).

Zharnov Ju. E. Vozvrashchenie kul'turnyh cennostej drevnego goroda [The return of the cultural values of the ancient city]. In *Arheologicheskie otkrytiya 1991-2004 gg.* [Archaeological discoveries in 1991-2004]. M.: Institute of archeology RAS, 2009. pp. 430–442. (In Russ.).

Zaliznyak A.A. Nablyudeniya nad berestyanymi gramotami [Observations on birch bark certificates]. *Voprosy istoricheskogo yazykoznanija* [Issues of historical linguistics], 1984, 5, pp. 36–153. (In Russ.).

Kabaev D.A. *Otchet o raskopkah v istoricheskom yadre g. Vladimira v 2007 godu (Raskop 2 po ul. Bol'shaya Moskovskaya, 22 kvartal)* [Report on excavations in the historical centre of Vladimir-city in 2007 year (Excavation 2 on Bolshaya Moskovskaya str., 22 block)]. Vladimir. 2008. Manuscript. (In Russ.).

Kabaev D.A. *Otchet o raskopkah v g. Vladimir v 2011 godu (Raskop 1, po ul. Zlatovratskogo, 1)* [Report on excavations in the historical centre of Vladimir-city in 2011 year (Excavation 2 on Bolshaya Moskovskaya str., 22 kvartal Raskop 1, on Zlatovratsky str., 1)]. Vladimir. 2012. Manuscript. (In Russ.).

Kabaev D.A. Galchuk L.L. Arheologicheskie raskopki v kvartale 22 istoricheskogo yadra g. Vladimira [Archaeological excavations in the 22 quarter of Vladimir's historical centre]. In *Arheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj zemli* [Archeology of the Vladimir-Suzdal region]. V.5. M.: Institute of Archaeology RAS. 2015. pp. 52–59. (In Russ.).

Konopelkin D.S., Goncharova N.N. Sravnitel'nyj kraniologicheskij analiz vostochnoevropeskikh gorodskih i sel'skih vyborok XVI-XVIII vv. [Comparative craniological analysis of Eastern European residential and rural panels of XVI-XVIII cc.]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], 2016, 2, pp.73–85. (In Russ.).

Sedov V.V. Osvoenie slavyanami Vostochnoevropeskoy ravniny [Settlement by the Slavs of the East Euro-

pean Plain]. In *Vostochnie slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history]. M.: Nauchnyj Mir, 1999. pp. 153–160. (In Russ.).

Rasskazova A.V., Zheyfer V.A., Mazurok O.I. Massovoe srednevekovoe zahoronenie v Pereslavle-Zalesskom [Mass medieval burial in Pereslavl-Zalessskiy]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. Online media* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2021, 4 (55), pp. 138–150. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-11>. (In Russ.).

Engovatova A.V., Osipov D.O., Faradzheva N.N., Buzhilova A.P., Goncharova N.N. Massovoe srednevekovoe zahoronenie v Yaroslavle: analiz arheologicheskikh i antropologicheskikh materialov [Medieval mass graves in Yaroslavl: analysis of archeological and anthropological materials]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian archaeology], 2009, 2, pp. 68–78. (In Russ.).

Alexiejewa T.I. *Wschodnioslowianskie craszki z kurhanow pleniennich*, Wroclaw, 1966. 142 p.

Buzhilova A., Goncharova N. A mass grave from Medieval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe In *Versuneanthropologie des catastrophes. Actes des 9e journees d'anthropologie de Valbonne*. Editions apdca, Antibes. Paris: Ined, 2009. pp. 285–300.

Information about Authors

Goncharova Natalia N., PhD; ORCID ID: 0000-0001-8504-1175; e-mail: 1455008@gmail.com;

Kabaev Danil A.; e-mail: d.kabaev@mail.ru.